

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ

№ 9

 НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1947 ГОДА
ВЫХОДИТ ЕЖЕМЕСЯЧНО

2013

МОСКВА

*Журнал издается под руководством
Президиума Российской академии наук*

“НАУКА”

СОДЕРЖАНИЕ

Гуманитарное знание и социальные технологии (материалы “конференции-круглого стола”). Участники: И.Т. Касавин, В.М. Розин, В.А. Колпаков, Л.А. Маркова, В.А. Лекторский, А.Ю. Антоновский, Д.А. Алексеева, В.Е. Лепский, И.Ю. Шпуров, Г.Б. Орланов, П.С. Куслий, Н.А. Касавина, Е.О. Труфанова, П.А. Сафронов 3

Философия, культура, общество

А.О. Карпов – Онтологизация, “онтологизация” и образование 31
В.И. Красиков – Онтологии..... 43
А.Д. Кошелев – О сущности комического и природе смеха (когнитивный подход) 52
А.И. Пигалев – Эзотерическая метаистория между секретностью и разоблачением иллюзорности реальности 63
Л.С. Васильев – Предкапитализм и посткоммунизм в современном Китае..... 75
К.М. Долгов – Философское наследие Китая: “Дао дэ цзин” 85

Философия и наука

В.И. Пржиленский – “Реальность”: социально-эпистемологическое исследование .. 91
Н.С. Мудрагей – Против философии? Позвольте возразить!..... 106
Д.А. Севостьянов – Исследование активности человека: инверсивный анализ в контексте постнеклассической рациональности 117

К 120-летию со дня рождения А.Ф. Лосева

В.В. Бычков – Миф в пространстве художественной символизации (пролегомены к современной философии искусства)..... 125

О сущности комического и природе смеха (КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД)

А. Д. КОШЕЛЕВ

В статье предлагается когнитивное исследование комического противоречия, основанное на понятии Гельмгольца “бессознательное умозаключение”. Сопоставляются подходы И. Канта, А. Бергсона и К. Лоренца к пониманию сущности смешного. Комическая ситуация и вызываемый ею смех рассматриваются как безболезненный способ разрядки социальной агрессии.

The article provides a cognitive inquiry into the Comic contradiction based on the Helmholtz “unconscious inference” concept, and compares various interpretations of the nature of Laughter by Immanuel Kant, Henry Bergson and Konrad Lorenz. Comic situation and Laughter created in it were considered as the most painless way to discharge of social aggression.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: когнитивный подход, комическое, агрессия, бессознательное умозаключение, Кант, Бергсон, Лоренц.

KEY WORDS: cognitive approach, comic, aggression, unconscious inference, Kant, Bergson, Lorenz.

Введение

Самое известное определение комического принадлежит Аристотелю. Анализируя жанр комедии, он писал (Поэтика 1449а): “Комедия <...> это воспроизведение худших людей, но не во всей их порочности, а в смешном виде. Смешное – частица безобразного. Смешное – это какая-нибудь ошибка или уродство, не причиняющее страданий и вреда, как, например, комическая маска. Это нечто безобразное и уродливое, но без страдания” [Аристотель 2000, 32]. Здесь в основу комического кладется некоторое противоречие: вопреки первичному (и “ошибочному”) впечатлению, воспринятое “уродство” оказывается безболезненным и безвредным.

Несмотря на чрезвычайное разнообразие последующих трактовок комического, почти все они нацелены на уточнение и разъяснение отмеченного Аристотелем противоречия: “умственный контраст”, “ощущаемый абсурд”, “видимая нелепость”, “отклонение от нормы” и др. Вот что писал по этому поводу А. Бергсон: «Теофиль Готье назвал ко-

мизм логикой нелепости. Многие теории смеха сходятся на подобной же мысли. Всякий комический эффект должен заключать в себе противоречие в каком-нибудь отношении. Нас заставляет смеяться нелепость, воплощенная в конкретную форму, – “видимая нелепость”, или кажущаяся нелепость, сначала допущенная, а затем исправленная, или, наконец, то, что нелепо с одной стороны, но естественно объяснимо – с другой, и т.д.» [Бергсон 2000, 101–102]. При этом и Бергсон, и многие другие исследователи подчеркивали, что далеко не всякое противоречие, даже облеченное в конкретную форму, создает комический эффект. Поэтому едва ли не главной задачей стало исследование особенностей *комического противоречия*, выявление его необходимых и достаточных признаков. В этом плане наибольший интерес для нас представляет концепция И. Канта. Вот как описывается в ней “игра эстетических идей”, дающая “повод к смеху”: «Во всем, что вызывает веселый неудержимый смех, должно заключаться нечто бессмысленное <...> *Смех – это аффект, возникающий из превращения напряженного ожидания в ничто.* Именно это превращение, которое для рассудка безусловно не радостно, все же косвенно вызывает на мгновение живую радость. <...> если наследник богатого родственника, намеревающийся торжественно оформить его похороны, жалуется, что ему это не удастся, ибо (говорит он) “чем больше я плачу плакальщицам, чтобы они выглядели грустными, тем веселее они выглядят”, то мы громко смеемся, а причина этого заключается в том, что наше ожидание внезапно превращается в ничто. Следует заметить, что ожидание должно превратиться не в позитивную противоположность ожидаемого предмета – так как это всегда есть нечто и может огорчить, – но именно в ничто» [Кант 1994, 207–208]; курсив автора.

Продолжая эту традицию, мы хотим предложить свою трактовку указанного Аристотелем противоречия. А именно, мы постараемся показать, что в основе комического лежит *особое, иллюзорное противоречие* (подробнее о нем см. [Кошелев 2006; Кошелев 2007]).

В последующих рассуждениях мы будем учитывать следующее обстоятельство. Реакция человека на комическую ситуацию мгновенна и спонтанна. При этом комическая ситуация часто представлена не текстом, а изображением (картинкой или действием). И это изображение воспринимается человеком непосредственно. А значит, при анализе феномена комического необходимо прежде всего опираться на психологические законы человеческого восприятия и мышления. В этом плане опора на филологический, точнее, на герменевтический анализ не может, как кажется, дать желаемого результата [Аттардо 1994].

О сущности комического противоречия

Чтобы объяснить суть комического противоречия, нам понадобится хорошо известное в психологии понятие “бессознательное умозаключение”. Еще в XIX в. выдающийся немецкий физик и психолог Герман фон Гельмгольц обнаружил, что “зрительное восприятие не контролируется зонами коры головного мозга, ответственными за сознательные суждения <...> мы делаем бессознательные умозаключения по поводу увиденных событий”, – цит. по: [Бутовская 2004, 23].

В XX в. эти же мысли высказывал Жан Пиаже. Обсуждая перцептивные иллюзии (когда один и тот же объект в разных контекстах воспринимается как более и менее длинный, когда тяжелый предмет воспринимается по своему внешнему виду как легкий и т.п.), он писал: “Оптическая иллюзия, или иллюзия веса предмета остается и тогда, когда нам уже известны объективные величины воспринимаемых объектов. Отсюда можно сделать вывод, что рассуждение отнюдь не вмешивается в восприятие” [Пиаже 1969, 110–111].

Мы полагаем, что сфера бессознательных умозаключений гораздо шире. Они носят не только перцептивный, как у Гельмгольца и Пиаже, но и смысловой характер. Обычно такие бессознательные интерпретации возникают у человека при восприятии

типичных, или стереотипных, событий, хорошо известных ему по его прошлому опыту. Например, детям с раннего возраста становится известным лицевой жест “высунутый язык”. Они показывают язык друг другу, а иногда и взрослым и даже родителям. В соответствии с данными этологии, в европейской культуре демонстрация высунутого языка трактуется как “высмеивание других <...> неприязненное отношение к ним” или “протест с элементами агрессивности” [Бутовская 2004, 62]. Эта типичная трактовка быстро и произвольно закрепляется за демонстрацией высунутого языка. Поэтому как только мы видим человека, показывающего окружающим язык, в нашем мозге моментально появляется бессознательное умозаключение: “Он высмеивает, третирует окружающих”. Оно формируется произвольно, по формуле **Стимул** (стереотипное событие – высунутый язык) – **Реакция** (его оценка: “высмеивание, протест”).

Рассмотрим в качестве примера

1) Шутливый фотопортрет Эйнштейна. Когда люди, хорошо знающие внешность и человеческие качества Альберта Эйнштейна, видят фотографию, на которой он показывает язык, они смеются. Объясним, почему здесь возникает комический эффект.

Как только мы увидели этот портрет, у нас моментально формируется бессознательное умозаключение: “Эйнштейн публично высмеивает, третирует кого-то”.

Однако оно никак не вяжется с нашими представлениями об Эйнштейне как “высококультурном и одухотворенном человеке”. Возникает явное противоречие между нашими исходными знаниями об Эйнштейне и этим бессознательным умозаключением.

Изобразим когнитивную интерпретацию воспринятого портрета в виде двухуровневой иерархической схемы:

2. ЭЙНШТЕЙН ПОКАЗАЛ ЯЗЫК, СЛЕДОВАТЕЛЬНО, ОН ВЫСМЕИВАЕТ КОГО-ТО

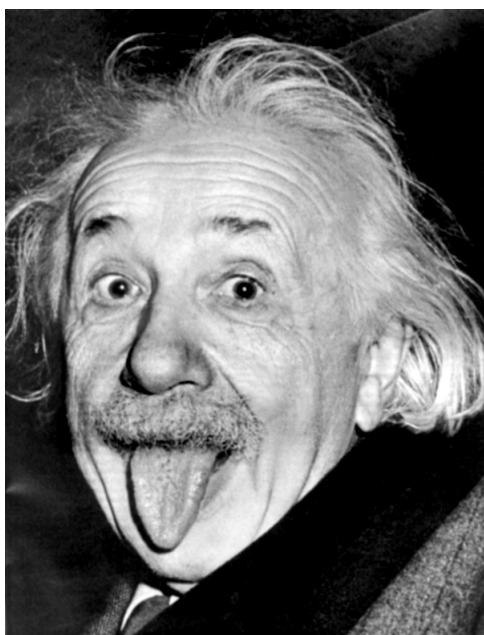
1. ЭЙНШТЕЙН – ОДУХОТВОРЕННЫЙ И КУЛЬТУРНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Здесь уровень 1 – это наши знания об Эйнштейне, а уровень 2 – мгновенное бессознательное умозаключение, вызванное восприятием портрета. Как мы видим, в этой схеме уровень 2 вступает в антагонистическое противоречие с уровнем 1: по крайней мере в момент демонстрации высунутого языка Эйнштейн не является одухотворенным и культурным человеком.

Для анализа этого противоречия (определения: истинно оно или нет) сразу же включается наше логическое мышление, которое более детально анализирует и сам портрет Эйнштейна с высунутым языком, и возможный контекст, в котором он был сделан, и другую информацию, которая совершенно не учитывалась при формировании бессознательного умозаключения. В результате мы сразу же понимаем, что в данном случае возникшее противоречие иллюзорно. Высунутый язык Эйнштейна – это его чисто внешняя, ситуативная реакция. В ней нет ни неприязни к окружающим, ни их высмеивания. Скорее всего, Эйнштейн просто подшутил над снимавшим его фотографом, который надеялся получить еще один вариант символического портрета. Поэтому в нашем мозге (в когнитивной структуре, отражающей нашу мысленную трактовку воспринятого портрета) моментально формируется еще одно, уже сознательное умозаключение: Эйнштейн показал язык с целью подшутить над фотографом и окружающими, сказать: “Вот мой подлинный портрет”.

В результате в приведенной выше схеме появляется еще один, самый приоритетный уровень иерархии: сознательное умозаключение (уровень 3). Оно указывает, что в данном случае бессознательное умозаключение (уровень 2) ложно. Теперь мы получаем итоговую схему интерпретации воспринятого портрета Эйнштейна. Она представляет иллюзорное, или **комическое противоречие**.

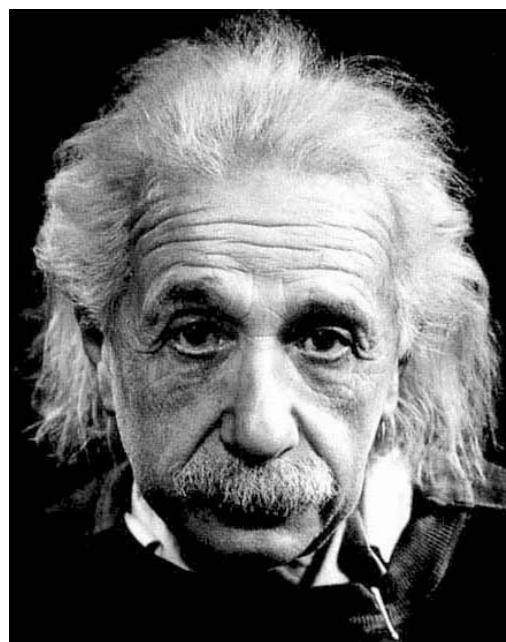
ИЛЛЮСТРАЦИИ (отсутствующие в статье)

ВОСПРИНЯТЫЙ ЖЕСТ
«**ВЫСУНУТЫЙ ЯЗЫК**»

ВЫСМЕИВАНИЕ АДРЕСАТА → ПРОТИВОРЕЧИЕ ← **ВЫСОКАЯ КУЛЬТУРА**

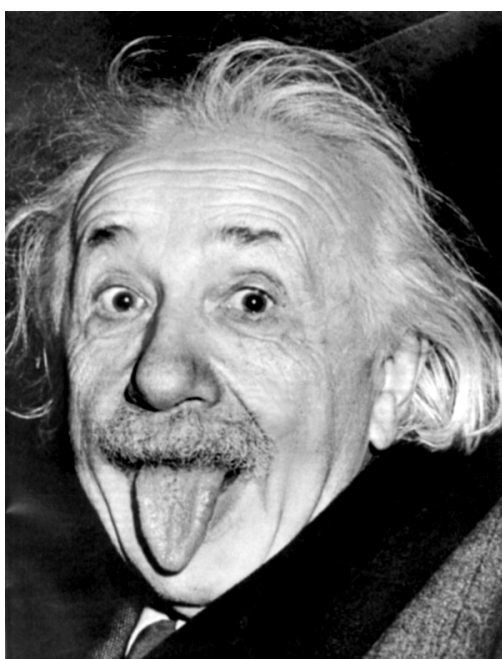

ИСХОДНЫЕ ЗНАНИЯ
«**ОДУХОТВОРЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК**»

Изобразим когнитивную интерпретацию воспринятого портрета (слева) в виде двух-уровневой иерархической Схемы, см. текст выше, на с. 54.

Она представляет иллюзорное, или **комическое противоречие**, см. текст ниже, с начала с. 55.

3. ЭЙНШТЕЙН ПОКАЗАЛ ЯЗЫК
НО АНАЛИЗ ПОКАЗАЛ:
ОН НИКОГО НЕ ВЫСМЕИВАЕТ
(СОЗНАТЕЛЬНОЕ УМОЗАКЛЮЧЕНИЕ)

2. ЭЙНШТЕЙН ПОКАЗАЛ ЯЗЫК
СЛЕДОВАТЕЛЬНО
ВЫСМЕИВАЕТ КОГО-ТО
(БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ УМОЗАКЛЮЧЕНИЕ)

1. ЭЙНШТЕЙН – КУЛЬТУРНЫЙ ЧЕЛОВЕК
(ИСХОДНЫЕ ЗНАНИЯ)

Схема КОМИЧЕСКОГО ПРОТИВОРЕЧИЯ:

СНИМАЕТ ПРОТИВОРЕЧИЕ и ШОК
и ВЫЗЫВАЕТ КОМИЧЕСКИЙ СМЕХ

3. ЭЙНШТЕЙН ПОКАЗАЛ ЯЗЫК, **НО АНАЛИЗ ПОКАЗАЛ:**
ОН НИКОГО НЕ ВЫСМЕИВАЕТ
(СОЗНАТЕЛЬНОЕ УМОЗАКЛЮЧЕНИЕ)
- ↓
2. ЭЙНШТЕЙН ПОКАЗАЛ ЯЗЫК, **СЛЕДОВАТЕЛЬНО,** ВЫСМЕИВАЕТ
КОГО-ТО
(БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ УМОЗАКЛЮЧЕНИЕ)
- ↓
1. ЭЙНШТЕЙН – КУЛЬТУРНЫЙ ЧЕЛОВЕК
(ИСХОДНЫЕ ЗНАНИЯ)

Схема КОМИЧЕСКОГО ПРОТИВОРЕЧИЯ

СНИМАЕТ ПРОТИВОРЕЧИЕ и ШОК
ВЫЗЫВАЕТ КОМИЧЕСКИЙ СМЕХ

Схема I: Интерпретация портрета Эйнштейна

В этой схеме и выражена суть комического эффекта. Согласно Гельмгольцу и Пиаже, бессознательное умозаключение неподвластно логической корректировке. Оно существует независимо от логики, поэтому появившееся на третьем уровне иерархии сознательное умозаключение не может его изменить или удалить из Схемы I. Но, имея более высокий приоритет, оно может отменить действие бессознательного умозаключения. В этом и состоит комическое противоречие: одновременно сосуществуют два противоречащих друг другу умозаключения. Однако создаваемое ими противоречие иллюзорно, поскольку верхнее, сознательное умозаключение (уровень 3) отменяет действие нижнего, бессознательного умозаключения (уровень 2).

Проиллюстрируем объяснительные возможности полученной когнитивной Схемы I, сформированной в мозге человека (назовем его наблюдателем), воспринявшего данный портрет Эйнштейна. Покажем, что любые отступления от нее лишают портрет комичности.

Начнем с нижнего уровня. На нем представлены исходные, “энциклопедические” знания наблюдателя об Эйнштейне. Они должны быть достаточно полными, чтобы давать а) сущностную характеристику его личности: “Эйнштейн – выдающийся ученый, доброжелательный и культурный человек”; и б) позволять наблюдателю легко узнавать Эйнштейна по внешнему виду (по фотографиям и пр.). В отсутствие таких знаний обсуждаемый портрет Эйнштейна не произведет комического эффекта. При этом и сам портрет Эйнштейна должен быть узнаваемым. Если “гримаса” исказит лицо Эйнштейна до неузнаваемости, комического эффекта от ее восприятия также не будет.

Второй уровень Схемы I занимает бессознательное умозаключение – непосредственная оценка воспринятого стереотипного события – жеста “высунутый язык”: “высмеивание, пренебрежительное отношение”. Для комического эффекта критически важно, чтобы это автоматически, почти рефлекторно возникающее суждение вступало в антагонистическое противоречие с какой-то сущностной характеристикой Эйнштейна, заданной первым уровнем. Это противоречие вызывает у наблюдателя эмоциональное напряжение.

Третий уровень иерархии занимает сознательное умозаключение. Оно формируется логическим мышлением на основе всей доступной наблюдателю информации. Во-первых, анализируется в деталях выражение лица Эйнштейна. И результат этого анализа очевиден: лицо явно доброжелательное, что не согласуется с демонстрацией языка. Во-вторых, анализируется возможный контекст, в котором был продемонстрирован данный лицевой жест. И он также позволяет предположить, что Эйнштейн показал язык на ходу, желая подшутить над назойливым фотографом, и т.д. Эти и другие данные указывают, что никакой насмешки или пренебрежения высунутый язык Эйнштейна не выражает. Тем самым

осознанное умозаключение, обладая более высоким приоритетом, отменяет действие нижележащего бессознательного умозаключения, а значит, и снимает возникшее было антагонистическое противоречие. Эмоциональное напряжение наблюдателя благополучно разряжается, “превращается в ничто” (Кант).

Однако неантагонистическое, иллюзорное противоречие остается, поскольку бессознательное умозаключение, сформированное самостоятельным механизмом, в Схеме I сохраняется. Поэтому комический эффект, пусть и в более слабой форме, остается и при последующем восприятии данного портрета: у наблюдателя вновь формируется эта же структура. Один механизм формирует то же самое бессознательное умозаключение, а другой – то же самое сознательное.

Представим теперь на минуту обратную ситуацию: высунутый язык Эйнштейна означает, что он и в самом деле озлобился, стал раздражительным, пожелал высмеять фотографа. Тогда это уже не было бы комичным. Оба умозаключения (сознательное и бессознательное) вступили бы в **противоречие с исходной** характеристикой – “Эйнштейн – доброжелательный и культурный человек” – и на время ее отменили бы.

Замечание. Все рассмотренные выше мыслительные операции наблюдателя, приведшие к формированию Схемы I, осуществляются, насколько можно судить, без использования внутренней речи (даже отдельных, обрывочных слов и фраз). Происходит непосредственная манипуляция содержательными когнитивными единицами (изображениями и их интерпретациями) и размещение их в уже существующей иерархической структуре Схемы I.

А вот пример другого бессознательного умозаключения, трактующего внешний вид человека: “Неряшливый, неопрятный облик Ивана → Иван – неприятный тип, неудачник”. Вспомним русскую поговорку: “По одежке встречают, по уму провожают”.

2) Комедийный прием в кино. На киногероя падает ведро с краской (или в лицо ему попадает торт и т.д.). В результате прежний облик героя, имевшего исходное (сущностное) свойство “преуспевающий, симпатичный”, внешне искажается, обретает в текущей ситуации противоположную и негативную трактовку: “жалкий, неудачник” (бессознательное умозаключение). Однако логический анализ, учитывающий контекст фильма и его жанр (кинокомедия) моментально формирует свое умозаключение, отрицающее бессознательное: новый облик героя вовсе не меняет его главной характеристики – “преуспевающий, симпатичный”. Возникает **комическое** противоречие. Это и делает героя смешным. Причем чем острее противоречие (чем сильнее оконфузился герой: упал в бочку с водой и весь вымок и т.д.), тем сильнее комический эффект.

Для сравнения заметим, что возможен и другой поворот событий. Если мы вдруг понимаем, что данный конфуз существенно и негативно влияет на судьбу героя и на самом деле превращает его в неудачника (**реальное** противоречие), то этот эпизод сразу же перестает быть смешным.

Новый облик, фигурально выражаясь, является внешней драпировкой, как бы сиомигнутой маской, надетой на преуспевающего героя.

3) Комическое уродство. Задаваясь вопросом о том, в каких случаях человеческое уродство вызывает смех, А. Бергсон выводит следующую совершенно правильную, на наш взгляд, закономерность: “*смешным может быть всякое уродство, которое изобразит правильно сложенный человек*” [Бергсон 2000, 21]. И в самом деле, если мы, к примеру, видим природное уродство человека, никакого комического эффекта оно не вызывает. Но если мы вдруг обнаруживаем, что это искусная поза, или как говорил Бергсон, “гримаса тела”, это становится комичным. И механизм здесь совершенно тот же. Воспринимаемая уродливую позу, мы бессознательно заключаем, что она отражает подлинное уродство человека. Однако контекстные знания подсказывают логическому мышлению, что этот вывод ложен.

Аналогичный комический эффект возникает в комнате смеха. В ней внешность детей, отражаясь в кривых зеркалах, искажается и приобретает уродливые черты, вызывая неудержимый детский смех. Возникающее здесь противоречие – “нормальная vs уродливая” внешность – очевидным образом иллюзорно. Отсюда и комический эффект.

Подчеркнем: искажение образа должно быть иллюзорным, не реальным ни на какой, пусть заведомо краткий, момент. Если представить, что зеркала волшебные и действительно превращают людей в уродов, даже на то короткое время, пока в них смотришь, комический эффект тут же исчезает, поскольку возникающее противоречие становится реальным.

Иллюзорное противоречие можно проиллюстрировать, обратившись к маске. Предположим, весельчак (известная нам характеристика человека), надевает маску мизантропа. Несмотря на соответствующее бессознательное умозаключение: “нелюдимый, мрачный человек”, для людей, его хорошо знающих, он по-прежнему узнаваем и поэтому еще более комичен. Здесь сохраняется и маска мизантропа, и отменяющее ее сознательное умозаключение. Однако для людей, не знающих подлинного характера носителя маски, он не выглядит комичным, поскольку они не понимают иллюзорности его новых черт.

До сих пор мы рассматривали только комичные **изображения**. Перейдем к **речевым описаниям** комических ситуаций и покажем, что Схема I справедлива и для них.

4) **Трагикомическая история**. Конрад Лоренц, иллюстрируя процесс образования привычки у животных, рассказывает о наблюдениях известной исследовательницы Маргарет Альтман. Вот, что он пишет:

«Изукая в естественных условиях оленей и лосей, она много месяцев шла по следам своих объектов со своей старой лошадью и еще более старым мулом <...> Стоило ей лишь несколько раз разбить лагерь на одном и том же месте – и оказывалось совершенно невозможно провести через это место ее животных, не разыграв, хотя бы “символически”, короткую остановку со снятием и обратной нагрузкой вьюков, разбивку и свертывание лагеря.

Есть старая история о проповеднике из маленького городка на американском западе, купившем, не зная того, лошадь, на которой много лет ездил пьяница. Этот Росинант заставлял своего преподобного хозяина останавливаться перед каждым кабаком и заходить туда хотя бы на минуту.

Только после этого лошадь продолжала путь. Здесь иллюзорность противоречия налицо: проповедник заходит в каждый попутный кабак (внешний признак пьяницы – бессознательное умозаключение), но не для того, чтобы пропустить стаканчик, а чтобы его лошадь продолжила путь. История на редкость комичная.

Но я не прочел последней фразы. А она такова: “В результате проповедник приобрел в своем приходе дурную славу и в конце концов на самом деле спился от отчаяния”» [Лоренц 1998, 110].

Теперь уже противоречие стало реальным: ПРОПОВЕДНИК превратился в ПЬЯНИЦУ. Комический эффект моментально исчезает.

5) **Анекдотическая история**. Немецкий литературный критик Марсель Райх-Раницкий в своей книге “Моя жизнь” многократно подчеркивает, что “тщеславие и эгоцентризм” – характернейшие черты писателя. Вот его рассказ о польском юмористе Ежи Леце:

«Как-то мы совершали с Лецем долгую прогулку <...> Лец говорил без умолку, а я, по мнению многих, не особенно молчаливый, слушал его молча <...> Примерно через час Лец вдруг сказал: “*Так больше не пойдет. Мы говорим все обо мне и обо мне. Давайте теперь поговорим о вас. Как вам понравилась моя последняя книга?*”» [Райх-Раницкий 2003, 279–280].

Комизм вопроса Леца очевиден и полностью отвечает данному выше определению. Сущностная характеристика Леца: “интересуется только собой” вступает в иллюзорное противоречие с характеристикой “интересуется собеседником”, поскольку она моментально превращается в свою противоположность.

В большинстве случаев возникающее бессознательное умозаключение негативно. Но это не обязательно. В данном случае неожиданное предложение Леца позитивно. Но оно элиминируется его сущностно негативной позицией: “говорить только о себе”.

6) Анекдот о Сталине.

Идет заседание съезда компартии, тов. Сталин выступает с речью. В битком набитом зале мертвая тишина, все слушают вождя. И вдруг – а-а-пчхи! Кто-то чихнул. Сталин прервал доклад, оглядел зал и спросил: “Товарищи, кто чихнул?” Зал молчит. Сталин охране: “Первый ряд взять, расстрелять”. И снова в зал: “Товарищи, кто чихнул?” Вновь тишина. Сталин: “Второй ряд взять, расстрелять”. Тут в дальнем ряду поднимается один делегат и дрожащим голосом говорит: “Товарищ Сталин, это я, Иванов, чихнул”. Сталин: “Будьте здоровы, товарищ Иванов”.

Комизм анекдота налицо. Наши исходные знания о вожде резко негативны. Однако бессознательное умозаключение здесь иное: “Сталин – добрый, чуткий товарищ”. Оно базируется на наших стереотипных знаниях о том, что вежливый и внимательный человек является хорошим человеком, и на фразе Сталина “Будьте здоровы, товарищ Иванов”. В то же время весь контекст анекдота свидетельствует о ложности этого бессознательного умозаключения. Отсюда иллюзорность и комизм возникшего противоречия. Слушатель прекрасно понимает, что пожелание здоровья делегату Иванову – это сугубо внешний, ситуативный жест, никак не меняющий негативной сущности вождя, который даже на один миг не способен стать добрым.

Обратимся, наконец, к примеру И. Канта и проверим на нем нашу трактовку комического.

7) **Пример И. Канта.** Жалоба наследника умершего купца: “Чем больше я плачу плакальщицам, чтобы они выглядели грустными, тем веселее они выглядят”. Здесь исходные стереотипные знания о наемном работнике таковы: “чем больше ему платить, тем лучше он работает”. Представляя веселых плакальщиц, мы делаем бессознательное умозаключение: “Им больше платят, а они хуже работают”. Оно противоречит нашему опыту. Но логический анализ моментально показывает, что здесь это противоречие иллюзорно. Плакальщицы веселы не потому, что пренебрегают работой, а потому, что радуются ее оплате. Это и вызывает смех.

О природе и функции комического и смеха

1. Важной особенностью комического является порождаемая им непровольная смеховая реакция. Над ней не властны ни логика, ни этика, ни здравый смысл. Шутку можно считать абсурдной, аморальной или глупой, но тем не менее смеяться над ней. На эту особенность обращали внимание многие исследователи. Критикуя различные определения комического, А. Бергсон писал: “Эти определения <...> никак не могут объяснить, почему комическое заставляет нас смеяться. В самом деле, с чего бы вдруг это особое логическое отношение, лишь только оно нами подмечено, заставляет нас меняться, встряхиваться, веселиться, в то время, как все другие оставляют нас в покое?” [Бергсон 2000, 13].

Представленная Схемой I наша интерпретация феномена комического также не может дать ответ на поставленный Бергсоном вопрос и объяснить причины возникновения смеха, его функции и пр. Как мы отмечали в статье [Кошелев 2007], эти вопросы изучаются в рамках биосоциального подхода, нацеленного на описание комического и смеха в терминах таких наук, как биология, этология и психология. Наиболее адекватной здесь является, на наш взгляд, теория агрессии К. Лоренца. На ней и будут базироваться наши ответы на поставленные вопросы.

Говоря об агрессии¹, Лоренц, подчеркивая, что этот инстинкт присущ как животным, так и человеку, уточняет: «Формулу Дарвина “борьба за существование” <...> непосвященные чаще всего ошибочно относят к борьбе между различными видами. На самом же деле борьба, о которой говорит Дарвин и которая движет эволюцию, – это в первую очередь конкуренция между ближайшими родственниками» [Лоренц 1998, 78]. Итак, возникающее в человеке агрессивное напряжение, во-первых, направлено прежде всего

на самых близких ему членов социума, а во-вторых, постоянно накапливается и поэтому должно периодически тем или иным способом разряжаться².

На наш взгляд, **комическая ситуация и вызываемый ею смех** как раз и представляют собой **самый безболезненный способ разрядки накопившейся социальной агрессии**. Комический персонаж получает неприятный укол (от чьей-то насмешки или от “судьбы”), грозивший понизить его социальный статус в глазах окружающих, но уже в следующее мгновение все понимают, что этот негатив иллюзорен. Возникающий при этом смех как бы физически канализирует агрессивную энергию смеющихся. Отсюда и сопровождающее смех чувство радости.

Для обоснования данной трактовки необходимо сначала обрисовать отношения между участниками ситуации комического смеха. Во-первых, эти отношения личностно нейтральны: в ситуации смеха нет места ни ненависти, ни любви (это неоднократно отмечавшееся свойство А. Бергсон назвал “анестезией сердца”). В самом деле, если украли кошелек у вора, это смешно всем, кроме его жены. Аналогично, неожиданное, но безопасное падение важного господина смешно всем, кроме его родных. И напротив, в ситуации взаимной ненависти непринужденный смех между людьми также исключен. Во-вторых, как мы показали выше, комизм ситуации может понять только тот, кто хорошо знает ее комического участника. Если человек совершенно не знает Эйнштейна, он не будет смеяться, увидев его портрет с высунутым языком. В итоге получается, что комический персонаж и смеющиеся принадлежат одному социуму (хотя необязательно одному социальному уровню).

Заметим, что совершенно не важно, какое (отрицательное или положительное) событие, случившееся с человеком, сделало его комическим персонажем. Например, Сталину в анекдоте была приписана положительная характеристика. Но она не оправдалась, поэтому в итоге Сталин получил такой же негатив, как и проповедник, купивший лошадь пьяницы (отрицательные события). Оказавшаяся иллюзорной положительная характеристика Сталина столь же ущербна для его морального облика и комична, сколь и отрицательная характеристика проповедника (тоже иллюзорная).

Естественно задаться вопросом: почему комическая ущербность столь далеких от нас людей (хоть и вполне понятных в социальном плане), как Сталин и американский проповедник, заставляет наше тело трястись от смеха? Ответ здесь такой: потому, что комизм этих персонажей служит “громоотводом” для нашего агрессивного потенциала, накопившегося в процессе общения с людьми самого близкого нам окружения.

В соответствии с теорией Лоренца – Тинбергена такую агрессивную разрядку можно назвать “перенаправленной агрессией”. Для большей наглядности К. Лоренц объясняет ее на примере заведомо экстремальном, рассматривая небольшие группы людей (например, военнопленных), которые в силу обстоятельств вынуждены общаться только друг с другом.

“В такой ситуации <...> все стимулы, вызывающие агрессию и внутривидовую борьбу, претерпевают резкое снижение пороговых значений. Субъективно это выражается в том, что человек на мельчайшие жесты своего лучшего друга – стоит тому кашлянуть или высморкаться – отвечает реакцией, которая была бы адекватна, если бы ему дал пощечину пьяный хулиган. <...> Выход, который в конце концов находит понимающий, состоит в том, что он потихоньку выходит из барака (палатки, иглу) и разбивает что-нибудь – не слишком дорогое, но чтобы разлетелось на куски с как можно большим шумом. Это немного помогает. На языке физиологии это называется, по Тинбергену, перенаправленным или смещенным действием (*redirected activity*) <...> А непонимающий убивает-таки своего друга – что нередко случалось!” [Лоренц 1998, 100].

“Переориентированное движение <...> определяется тем, что некоторая форма поведения, запускаемая *одним* объектом, ввиду того, что от этого объекта исходят и тормозящие стимулы, направляется на *другой* предмет <...> Так, например, человек, рассердившийся на другого, скорее ударит кулаком по столу, чем по лицу, – именно

потому, что этому препятствуют определенные запреты, а ярость требует выхода, как лава в вулкане” [Там же, 176].

“Смех не только создает общность его участников, но и направляет их агрессивность против посторонних” [Там же, 240–241].

Важно подчеркнуть, что такая перенаправленная на “другого” агрессия уже качественно иная, “ненастоящая”. К. Лоренц, говоря об объединяющем свойстве общего смеха, приводит такую ситуацию: “Если несколько простодушных людей, например, маленьких мальчиков, *вместе* высмеивают кого-то, или других, не принадлежащих к их группе, то в этой реакции <...> содержится изрядная доля агрессии, направленной вовне, на не принадлежащих к группе” [Там же, 182]; разрядка наша. – А.К.

Заметим, однако, что “изрядная доля агрессии” таких действий не превращает их из беззлобных в злобные (сущностные). Если мальчики смеются над кем-то не из их группы, то они заведомо не кинутся его бить. Иначе говоря, их насмешки (издевательские клички, ругательства и пр., вызывающие у них смех) вызваны прежде всего ситуацией и лишь в какой-то мере усилены их негативным отношением к чужаку. По существу, эта ситуация – лишь крайний случай более типичной ситуации, когда мальчики в группе смеются друг над другом. Если шутка одного из них оказывается обидной для другого, а все остальные смеются ей, этот мальчик оказывается на какое-то время в роли “чужака”, над которым все смеются.

Итак, следуя К. Лоренцу, мы утверждаем, что комический смех и является проводником такой **перенаправленной и иллюзорной агрессии**, порожденной ближайшим (лично или родственно) окружением смеющегося, но обращенной не на него, а на какого-то совершенно постороннего, не близкого члена социума. Этот механизм является наиболее безобидным способом снижения накопившейся агрессии.

Итак:

Комический смех – это физиологический процесс, который

а) вызван комическим эффектом (интерпретацией вида Схема 1),

б) реализует (“канализирует”) разрядку агрессии смеющегося, перенаправляя ее от лично близких ему – к не близким членам социума, и

в) вызывает у смеющегося радостное облегчение от такой разрядки.

Замечание. Принято также считать, что смех – явление коллективное и потому сплавляет людей. Так, Бергсон отмечает: “Смешное не может оценить тот, кто чувствует себя одиноким <...> Наш смех – это всегда смех той или иной общественной группы” [Бергсон 2000, 12–13]. Как мы уже видели, и К. Лоренц приписывает смеху “социальное единение” всех смеющихся; ср. также: “общий смех <...> доставляет осязаемое чувство социального единения” [Лоренц 1998, 182]. Однако эта функция не является, на наш взгляд, специфической для смеха. Уже многократно отмечалось, что всякие коллективные действия (хоровое пение, строевой шаг и пр.) сплавляют людей. Подобным же образом действует и общий смех.

2. Сравним в заключение изложенную нами точку зрения на смех и комическое с известной теорией А.Г. Козинцева. В ней смех трактуется как сигнал “игровой агрессии”, а юмор (здесь – синоним комического. – А.К.) – как игра “в нарушение интериоризованных норм <...> Атрибут такой игры – смех” [Козинцев 2007, 110]. Развивая концепцию, впервые сформулированную на рубеже XIX–XX вв. в работах Дж. Салли и Л. Робинсона, Козинцев дает следующее определение: “Смех – это врожденный и бессознательный метакоммуникативный сигнал <...> особой негативистской игры – “нарушения понарошку”» [Там же, 110]. В подходе А.Г. Козинцева “нарушение понарошку” вызывает радостное чувство освобождения на время игры от “символически закодированных норм <...> от догматов, до мелочей здравого смысла и этикета”. А оно (это радостное чувство) и порождает

смех, ср.: “Временное освобождение от всего этого составляет главную функцию смеха” [Там же, 124].

Приведенное определение, при всей его детальной разработанности, не дает, как нам кажется, вполне эксплицитной характеристики смеха, поскольку базируется на вторичных по отношению нему понятиях “игры” и “нарушения понарошку”. Игра, будучи не менее сложным явлением, чем смех (см. например: [Кошелев 2006]), не может служить базовым термином для определения последнего. Конечно, смех часто сопровождает игру. Однако, будучи, в отличие от игры, явлением произвольным, смех не сводится только к игре. Ни истории о проповеднике и Ежи Леце, ни рассказ И. Канта (примеры 4, 5 и 7) не подпадают под определение «особой негативистской игры – “нарушения понарошку”»³. Конечно, любую человеческую деятельность, включая и человеческую жизнь, можно трактовать как смешную игру. Но такая возможность как раз и свидетельствует о неизбирательности подобной трактовки. Если же мы пытаемся выделить посредством игровой интерпретации лишь по-настоящему смешные ситуации, их игровой характер в ряде случаев просто не обнаруживается. Поясним эту мысль на примере “падения на улице важного господина, падения, сопровождаемого нелепыми телодвижениями, но ни для кого не опасного” [Санников 1999, 17]. Эта картина и в самом деле может быть смешной. Однако ни игры, ни “нарушения п о н а р о ш к у” в изображаемом ею произвольном действии, как кажется, нет. Можно, правда, говорить, что это “негативистское действие”, однако его никак не удается трактовать как игру.

Что же касается главной функции смеха, которая в данной теории понимается как “временное освобождение <...> от символически закодированных норм <...> догматов <...> здравого смысла и этикета” [Там же], то можно заметить, что освобождения от по-настоящему суровых социальных запретов комическое и вызываемый им смех не дает. В самом деле, анекдот о Сталине, рассказанный в начале 1950-х гг. среди людей, испытывающих преклонение перед отцом народов (замешанное на страхе перед ним), ни у кого смеха не вызвал бы. Аналогично, в клерикальной среде не вызвал бы смеха и рассказ про американского проповедника, понуждаемого своей лошадью заглядывать в каждый попутный кабак. В то же время нарушение мягких запретов и предписаний общества не может, как кажется, служить достаточным побудительным мотивом для сотрясающего все тело смеха и сопровождающего его радостного чувства. Тем более, что в ряде случаев вообще никаких запретов не нарушается. Так, немало комических ситуаций построено на сюжете “не рой яму другому, сам в нее попадешь” (ср. уже упоминавшийся пример: у вора украли кошелек). Здесь, напротив, речь идет не об освобождающем, а о назидательном характере смеха.

ЛИТЕРАТУРА

- Аристотель 2000 – *Аристотель*. Риторика. Поэтика. М., 2000.
Аттардо 1994 – *Attardo S. Linguistic Theories of Humor*. Berlin, 1994.
Бергсон 2000 — *Бергсон А. Смех / Бергсон А. Смех. Сартр Ж.-П. Тошнота. Симон К. Дороги Фландрии*. М., 2000. С. 7–126.
Бутовская 2004 – *Бутовская М.Л.* Язык тела: природа и культура. М., 2004.
Кант 1994 – *Кант И.* Критика способности суждения. М., 1994.
Козинцев 2007 – *Козинцев А.Г.* Человек и смех. СПб., 2007.
Кошелев 2006 – *Кошелев А.Д.* К общему определению игры // Вопросы философии. 2006. № 11. С. 60–72.
Кошелев 2007 – *Кошелев А.Д.* О природе комического и функции смеха // Движение языка. Сб. в честь 70-летия Л.П. Крысина. М., 2007. С. 277–325; <http://www.old.lrc-press.ru/05.htm>.
Лоренц 1998 – *Лоренц К.* Обратная сторона зеркала. М., 1998.
Пиаже 1969 – *Пиаже Ж.* Избранные психологические труды. Психология интеллекта. М., 1969.
Райх-Раницкий 2003 – *Райх-Раницкий М.* Моя жизнь. М., 2003.
Санников 1999 – *Санников В.З.* Русский язык в зеркале языковой игры. М., 1999.

Примечания

¹ В толковых словарях слово *агрессия* трактуется как синоним слова *нападение*. В работе [Лоренц 1998] термином “агрессия” называется гораздо более узкое понятие: “инстинкт борьбы, направленный *против собратьев по виду*” [Лоренц 1998, 62]. Ср.: “Когда лев убивает буйвола, этот буйвол вызывает в нем не больше агрессивности, чем во мне аппетитный индюк, висящий в кладовке” [Там же, 80].

² Иллюстрируя этот тезис, К. Лоренц рассказывает о своей тетушке, которая каждые 8–10 месяцев меняла свою служанку. Первое время она восхищалась вновь нанятой служанкой, затем “находила у бедной девушки мелкие недостатки, потом – заслуживающие порицания; а к концу упомянутого срока обнаруживала у нее пороки, вызывающие законную ненависть, – и в результате увольняла ее досрочно, как правило, с большим скандалом” [Лоренц 1998, 100].

³ Термин “нарушение понарошку” (как и термин “игра”) весьма сложен для эксплицитного объяснения, так сказать, непереводим. Нам он кажется понятным лишь потому, что мы его знаем с детства. Используемые нами термины: “исходные знания”, “бессознательное/осознанное умозаключение”, напротив, вполне эксплицитны.